СТИЛЬ ЖИЗНИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЖЕКЕ ЛОНДОНЕ

«Успех стал трагедией его жизни»

Анна Струнская

Близкий друг и соавтор писателя по «Письмам Кемптона и Уэйса» – уроженка России, американка Анна Струнская (1878–1964) перед смертью написала воспоминания о Лондоне. На русском языке впервые публикуются их фрагменты.

Анна Струнская.

Джек Лондон.

«ПРИНИМАЙТЕ меня таким: неожиданным гостем на короткий миг вашей жизни, перелетной птицей, пахнувшей солеными ветрами – грубой и неуклюжей птицей, привыкшей к широким просторам и огромным пространствам, и неприспособленной к уютному и упорядоченному существованию. Гостем, не ожидающем ничего, кроме радушия, еды и одеяла».

Так он писал мне в письме из Окленда 21 декабря 1899 года на двадцать четвертом году жизни. Перелетная птица пахнула солеными ветрами не только на мою жизнь, но на жизнь вообще, и не на короткий миг, а навечно.

Разве может тот, кто знал Джека Лондона, забыть его, и разве может жизнь забыть о том, кто был неотъемлемой ее частью? Он был сама молодость, само приключение, роман. Он был поэтом и мыслителем, был верным другом, умел любить великой любовью и был крепко любим. Никакими словами не описать своеобразие личности, отличающее его от остальных смертных мира. Как передать особенность магнетизма и поэтических свойств его натуры?

Он вышел из той самой бездны, которая поглотила миллионы молодых людей его поколения и поколений предшествующих. Он добился высокого жизненного уровня, но не гнался за богатством. Что-то было в нем и от Наполеона, и от Ницше. Но ницшеанские взгляды были им преобразованы в социалистические, и благодаря своему наполеоновскому темпераменту он крепко-накрепко уверовал в успех, которого добился. Впечатлительный и эмоциональный по натуре, он заставил себя твердо держаться избранного пути. Он жил строго по распорядку. Его нормой была тысяча слов в день, отредактированных и перепечатанных. Позволял он себе только четыре с половиной часа сна и регулярно с рассветом принимался за работу.

Вечера посвящались чтению научных трудов, работ по истории и социологии. Он называл это созданием научной базы... В часы отдыха он занимался боксом, фехтованием, плаванием – он был великолепным пловцом. Лондон ходил под парусом и немало часов проводил, пуская змея,– у него их имелся большой выбор <...>

Он был тружеником, к сожалению, трагически много работал, это стало у него привычкой. Он забыл о том, что писал мне, когда мы были совсем юными.

18 января 1892 г.:

«Что касается того факта, что я не читал писем Стивенсона, дорогая моя девочка, то настанут дни, когда, набравшись основательных научных знаний и накопив в банке долларов тысячу, я смогу, лежа целыми днями, читать, читать, и читать, и читать. Какой же, знаешь, это величайший соблазн – книги! Вот тогда я и займусь основательно и Спенсером и Геккелем».

Настал день, когда он накопил в банке 1000 долларов и вдобавок добился заработка более 60 000 долларов в год, но не вернулся к тому простому и прекрасному образу жизни поэтов и студентов, о котором мечтал. Он расплачивался за то, что получил. Успех стал трагедией его жизни. Отдав свой мозг в заклад на потребу рынка, изнуренный и измученный Джек пристрастился к Джону Ячменное зерно <...>

Им написаны сорок четыре книги. Порой он работал до головной боли. Как же поступить сильному, здоровому мужчине с работой, превращающей его в тщедушное, жалкое существо? Он мечтает о мужской работе, грезит обустроить свою Лунную долину. Он бы вложил все заработанные пером деньги в обширное сельскохозяйственное предприятие: сделал бы плодородными безводные земли. Он выращивал бы эвкалипты и разводил лошадей <...>

А вот письмо, присланное им из Окленда 21 января 1900 года. «Знаешь, я обладаю фатальным даром приобретать друзей и полной неспособностью ссориться с ними. И они всегда возвращаются. Мой дом стал Меккой для всякого люда, прибывающего с Клондайка, – моряка ли, солдата, всех, кого я когда-то там повстречал. Когда-нибудь я построю подходящее заведение, всех приглашу и предоставлю им возможность пообщаться друг с другом. Такого разнообразия каст, воззрений и характеров нигде не найти. Вот бы получилась вакханалия.

Однако я так обожаю вольную жизнь, такая уж у меня дурная голова, что перекрою всевозможными преградами и ловушками дорогу ко мне посетителям прямо перед своей дверью, вдобавок поставлю пулемет «максим». Святость моего домашнего очага остается нерушимой. А если сердце всего не выдержит, то убегу прочь, на другой конец света».

Так он и сделал в Глен-Эллене, в красивейшей Калифорнийской долине Сономы. Он обосновался там на ранчо в полторы тысячи акров, где держал открытый дом, а когда сердце не выдерживало, то убегал на другой конец света, отправлялся в южные моря или на Гавайи. Пускался в незабываемое необыкновенное путешествие на «Снарке», поставив цель пробыть семь лет вдали от суетливого мира.

Только бьющая в нем через край молодость давала ему силы так глубоко ощущать полет времени и чутко ловить каждый час. Жизнь очень коротка. На безделье просто нет времени – таким было его рабочее кредо. И ему было дано так много увидеть в жизни. Ребенок среди людей, он не имел детства. Всюду он видел борьбу и сам был вынужден сражаться. Он называл себя «грубым, суровым, категоричным».

Конечно, он таким не был. Все это лишь его фантазии, возникшие при его впечатлительном характере от пережитого в детстве и юности, от увиденного им на дне жизни... Эти переживания и эта ответная реакция на то, что называют организованным обществом (но что на самом деле является несусветным хаосом), стали фундаментом его жизненной философии.

Приведу еще цитату из письма от 21 декабря 1899 года:

«Жизнь очень коротка. Уныние, распространяемое материалистами, лучше всех выразил Томас Фицджералд в опусе «Поторапливайся!» У человека нет времени на безделье. Так что, если хотите знать, я тоже мечтал о ферме, точнее – о калифорнийском ранчо. Но очень рано, когда мне было девять лет, тяжелая длань забот пала на мои плечи. И с тех пор она не полегчала. Она не лишила меня чувств, но истребила сентиментальность. Она сделала меня практичным, поэтому я и прослыл грубым, суровым, категоричным. Она убедила меня в том, что разум сильнее воображения, а ученый человек значительней существа эмоционального.

Она дала мне также более правдивое и глубокое представление о вещах и наделила присущим моей натуре идеализмом, который должен бы быть подавлен у таких как я, но который еще живет, сберегаемый в тайниках души, и неизменно заявляет о себе, пристает с советами, когда я выхожу на рынок труда. Выходя туда, я, случается, вызываю у друзей насмешки, попадаю впросак, чтобы тогда снова вспомнить об истинных ценностях».

Искренность была величайшей чертой его характера. Он никогда не притворялся и ни свою работу, ни жизнь не строил на софизмах и казуистике. Если литературу можно продавать и она имеет цену, а он продавец продукта своего мозга, он не желал претендовать на то, что, как это положено, станет писать ради искусства, а не ради денег <...>

Вооружившись хладнокровием «человека рынка», которым он собирался стать, Джек засел за работу, чтобы добиться успеха. В те дни самым успешным романистом, по-видимому, была Мэри Корелли. Вознамерившись раскрыть секреты ее успеха у читателя, чтобы самому их использовать, Джек засел за изучение ее творений, чего не скрывал. Друзья осудили его за эти намерения и за откровенность. Многие считали себя превыше этого, хотя в действительности только досадовали из-за его предприимчивости. Оттого, что его искусство стало предметом купли-продажи, у него началось отторжение, он, самый щедрый из людей по натуре, проникся цинизмом. Под воздействием пришедшего успеха его дух слабел. Его обидело то, что публика, ныне готовая льстить ему, ранее не замечала его таланта.

Рассказ, за который ему заплатили в «Оверленд мансли» всего пять долларов, не принесший ему вообще ни слова признательности, теперь, оказавшись между твердыми обложками книги, внезапно стал великолепным. Поэтому всерьез от публики он не принимал ни признательности, ни благодарности и стал страдать от разочарований не только в справедливости мира, но и вообще жизни. Он многого достиг, но ради чего. Чтобы обнаружить, что затраченных трудов все это не стоит. Он страдал от разочарований, и у него возникла мысль о самоубийстве. Как и Толстой, было время, он держал у себя в столе заряженный револьвер, на всякий случай <...>

Он создал очерк под названием «Что значит для меня жизнь», заключительная фраза которого пронизана верой в возвышение простого человека. «Лестница времени постоянно сотрясается от деревянных башмаков, поднимающихся вверх, и начищенных сапог, спускающихся вниз».

Моя попытка написать о юноше, одном из самых молодых людей, Джеке Лондоне, трудна и прекрасна. Мы вынуждены говорить о нем скорее словами чувств, чем идей, и никто лучше него не понимал, насколько это труднее. Процитирую из письма от 27 декабря 1899 г.:

«Мыслители не страдают от недостатка выражений. Самое сложное – передать словами чувство, и глубокое чувство. С этой точки зрения легче написать четыре тома «Капитала», чем незамысловатые лирические стихи».

Он гордился своим материализмом. Был идеалистом без иллюзий. Жадным до правды и справедливости, но мало находил того и другого вокруг.

Он был индивидуалистом, преданным делу человечества. И пока жил, он обнажал суровую правду, выражал протест против зла и социальных несправедливостей. Каким же тогда был его хваленый материализм? Он оправдывал ведение боевых действий. Говорил, что до той поры, пока мы принимаем помощь полиции и уличное освещение от общества, легализующего уголовные наказания, мы не вправе осуждать уголовный кодекс. Он верил в превосходство определенных рас и называл англосаксов солью земли.

Джек был склонен считать женщин биологически ниже мужчин, верил, что право – источник могущества. Он бежал от цивилизации и старался избегать ее. Он относился к смерти как варвар, был всегда к ней готов и не верил в судьбу. Был убежден, что любовь – это ловушка, поставленная человеку природой. Жениться по любви не следует, а надо подходить к этому делу с учетом качеств, согласованных с разумом.

Это он блистательно доказывал в книге «Письма Кемптона и Уэйса», доказывал со страстью, вызывающей сомнения в твердости этого его убеждения. Позже, став более зрелым мыслителем, Джек не менее страстно защищал свои новые идеи, которые прежде опровергал.

Теперь он уверовал в романтическую любовь, одобрял суфражисток и приветствовал их успех в Калифорнии. Он осудил наказания за уголовные преступления, что стало темой самой серьезной его книги «Межзвездный скиталец». А свою прежнюю приверженность к ощущению ради ощущения, приводившую его к наркотикам и алкоголю, он отверг в своем классическом «Джоне-Ячменном зерне». Он пошел дальше – перешел на сторону противника во всем, чему ранее был привержен.

Как сейчас я вижу его – одной рукой он держит за руль велосипед, а в другой сжимает огромный букет желтых роз, который только что нарвал в своем саду; шапка сдвинута назад, на густые каштановые волосы; большие синие глаза с длинными ресницами смотрят на мир, как звезды. Необыкновенно мужественный и красивый мальчик, доброта и мудрость его взгляда не вяжутся с его молодостью.

Вижу его лежащим в маках, он следит за змеем, парящим над секвойями и нежно им любимыми эвкалиптами – высоко в лазурном калифорнийском небе.

Я вижу его успокоенным на яхте «Спрей», где-то позади выплывает луна, и слышу, как он пересказывает мне свои выводы из прочитанных накануне работ Спенсера и Дарвина.

Я вижу его сидящим за работой... Ночь почти на исходе, и кажется мне, что заря приветствует и обнимает его... Я вижу его майским утром опершимся на перила веранды, увитой жимолостью. Он наблюдает за двумя щебечущими пичужками. Он был пленником красоты – красоты птиц и цветов, моря и неба, закованных холодом пустынь Арктики. Никто не мог бы с большим основанием повторить: «О, люди, я жил!..»

Он жил не только на широких просторах земли, под тропическим солнцем и в ее скованном морозами краю белого безмолвия, с ее счастливыми детьми и с ее обездоленными. Нет, он всегда жил с мыслью о жизни и смерти, он жил великой борьбой за справедливость, за все человечество. ■

Перевел Виль БЫКОВ